

Горький в борьбе за социалистическую кинематографию

ДЕЛО ПРОЛЕТАРИАТА, которому отдал все свои силы великий русский писатель Максим Горький, было ненавистно врагам народа — капиталистам, помещикам и их меньшевистско-фашистской агентуре.

Меньшевистская травля Горького имеет большую давность. Идеологическую кампанию против Горького начал Плеханов, выступивший против одного из лучших произведений великого писателя — повести «Мать». Многочисленные меньшевистские «теоретики» литературы пытались доказать, что Горький не писатель пролетариата, а «вообще гуманист», пытались отрицать народность произведений Горького. Затем начались попытки меньшевиков «присвоить» творчество Горького.

Но «присвоить» было невозможно. Слишком ярким целеустремленным и страстно непримиримым был великий писатель пролетариата. Тогда меньшевистские «литераторы» подняли дикую травлю гениального русского писателя и пытались комариными укусами уничтожить гиганта.

Потерпев по всем линиям поражение, кровавая фашистская агентура прибегла к подлому убийству одного из самых светлых гениев человечества.

Для кино А. М. Горький сделал чрезвычайно много, несмотря на то, что в его огромной, всеобъемлющей, кипучей деятельности кинематография занимала не слишком большое место. И в кино повторялись в миниатюре те же попытки капиталистической агентуры использовать авторитет Горького, повторилась травля бессмертного классика после неудачи этих попыток.

Существовало в кинематографии ходячее мнение, что Горький не любит кино и не

хочет им заниматься. Досуэние околоскинематографические «теоретики» наводняли кинопрессу писком о мнимой нелюбви Горького к новому искусству. Это было в начале 20-х годов — именно тогда, когда писатель работал над сценарием «По пути на дно», замечательные отрывки из которого опубликованы только что «Правдой».

Опубликованные материалы, а также известные нам факты дают — пусть неполную, но достаточно колоритную картину борьбы Горького за основные и главные жизненные интересы кинематографии. Эти факты говорят о замалчивании, уничтожении работы великого писателя агентурой фашизма в кино.

Мы коснемся только двух эпизодов, характеризующих взаимоотношения Горького с кинематографией в последний период его жизни. Речь идет о судьбе написанного А. М. Горьким сценария «Преступники» и о борьбе великого писателя за нормальную и полноценную работу литератора в кино.

Сценарий «Преступники» возник в плане кинопроизводства в 1933 году. Он был написан А. М. Горьким лишь наполовину. Вторая половина была изложена беглым конспектом. Сценарий был принят, и режиссеру было поручено доработать его с автором. В это время в ГУК поступил сценарий на аналогичную тему молодого сценариста. И тогда ГУКовские вредители решили назначить Горькому соавтором молодого сценариста. Взял был за основу сценарий, написанный молодым сценаристом. Этот сценарий взялись пополнить сценариями из горьковского произведения. Это, пожалуй, был первый сознательный опыт вредительского «закройного» производства сценария из нескольких произведений, не-

сколькими обезличенными авторами, так широко потом насаждавшийся.

Писались письма, давались заключения, принимались решения, бумажное море шумело и волновалось, и в нем, в конце концов, без следа для кинематографии тех лет, потонул сценарий великого русского писателя.

Тем не менее отношения Горького с кинематографией не порвались. Горький регулярно просматривал все новые фильмы. Он прекрасно понимал, что наша кинематография становится «все большей и большей силой, которая имеет большее значение, чем театр, хотя бы в том смысле, что привлекает к себе большее количество зрителей» *).

В 1935 году кино снова привлекло к себе повышенное внимание А. М. Горького, увидевшего, что советская кинематография подвергается большой опасности, хотя она к этому времени добилась замечательных успехов. На экранах страны демонстрировали «Чапаева», кинематографисты, только что отпраздновавшие свой юбилей, были отмечены высоким вниманием партии, правительства и всей страны. И между тем внутри кинематографии фашистские приспешники и вредители всех мастей разжигали рознь между литераторами и режиссерами, составляющими единую основу кинематографического искусства. Вредители зажимали все виды критики, мешали работать честным художникам, травлили их.

Вредители искусно маскировались, и для того, чтобы их разглядеть, нужна была высокая бдительность.

И А. М. Горький с замечательной прозорливостью и проникновением увидел те основные точки, куда это вредительство было направлено.

Кинематографию можно было затормозить, только лишив ее основы существования: литературного произведения, пред-

*) Реплика А. М. Горького на совещании писателей с участием художников, музыкантов и кинорежиссеров 10 апреля 1935 года. Цитируем по стенограмме.

назначенного для постановки, — сценария. Одним из способов дезорганизации сценарного дела было создание розни между режиссерами и литераторами. Разжигая низменные инстинкты — корыстолюбие, дешевое честолюбие, вредители стремились воспитать режиссеров на мысли об особой выгоде и «чести» писания для себя сценариев. Они убеждали всех в непригодности для этого дела писателей. Кстати, такой прием развращения, дезориентации, бытового и морального разложения работников искусств типичен для фашистской агентуры и о нем Горький с великоколенной точностью писал в статьях о «литературных забавах».

Совещание писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров, созванное А. М. Горьким 10 апреля 1935 года, и выступление на нем великого писателя — этапное событие в истории нашей кинематографии. На этом собрании обсуждали ряд творческих вопросов, говорили о подготовке кинематографии к 20-летию Великой пролетарской революции, но основным оказался вопрос о взаимоотношениях сценариста и режиссера.

А. М. Горький ставил вопрос с поразительной глубиной проникновения в самую природу кинематографического искусства. Он говорил:

«Думается мне, что на будущем совещании, если такое состоится, надо поставить вопрос этого порядка. Надо потолковать не о какой-то демаркационной линии, которая распределит бы права режиссера и сценариста, а о том, как сделать так, чтобы это слилось в нечто единое целое и дало бы наибольший эффект».

Здесь говорилось довольно много, и все время звучало, что одна работает как будто на чужом материале, которым они сплошь недовольны, а хозяева материала так же сплошь недовольны тем, что с их материалом обращаются недостаточно уважительно, недостаточно бережно и т. д. Надо это устранить. Мы — грамотные люди, и люди, одержимые стремлением делать хорошие вещи. Мы можем «столкнуться» *).

Это речь мастера культуры, глубоко преданного делу народа, делу партии.

*) Здесь и далее цитируем по газете «Кино» № 18/670 от 17 апреля 1935 года.

Ленина—Сталина, полна величайшей конкретности и высокой моральной чистоты. В ней Горький достаточно отчетливо формулирует причину искусственно обостренных вредителями разногласий между режиссурой и литераторами.

«Некоторое своеволие режиссера, конечно, существует. Люди привыкли обращаться с литературным материалом — я в данном случае говорю не только о кино, но и о театре — с пьесой или со сценарием, как столяр с доской. Конечно, краснодеревец столяр может из простой доски сделать прекрасную вещь. Верно это? Верно. Но мне все-таки кажется, что литератор-то немногим больше знает, чем режиссер: у него поле зрения шире, у него количество опыта больше, он более подвижной в пространстве человек, а часто режиссер работает в четырех стенах театра и знает ничего не знает, кроме сцены. Я говорю это не в укор кому-нибудь, а просто констатирую факт».

Что услышал А. М. Горький в ответ? Увеливание, скрытое разжигание той же розни между литераторами и режиссерами и, наконец, «теоретическое» обоснование права на брак, вызвавшее весьма красочную отповедь Горького:

«Здесь некоторые товарищи очень красиво, даже излишне красиво, по-моему, защищали право на брак (аплодисменты), на бракованные вещи. Этого нельзя делать!».

Такое увеливание, такое нежелание устранивать «противоречия», ликвидировать недоразумения, наладить совместную работу с литераторами — огорчили великого писателя, выразившего свои чувства в горьких строках «после правки стенограммы». Если до этого у вредителя Шумяцкого и «ниже с ним» были надежды, что им удалось обмануть Горького, то эти строки всякую иллюзию такого рода уничтожили. Горький писал по их адресу:

«Зачем приходили сюда эти люди? Зачем ли, чтобы найти и установить в работе своей линию дружеского единения с литераторами или же только для того, чтобы отстоять в неприкосновенности какие-то занятые ими позиции, традиции, права?».

Жизнь показала, что эти люди приходили именно за последним.

Пробравшиеся в ГУК вредители продолжали вносить моральное разложение в кинематографическую среду, оказавшуюся, к счастью, достаточно здоровой для того, чтобы изнутри противодействовать этой работе. И тем не менее год от года становилось все меньше людей, для которых писательская работа в кино, писание сценариев было основной профессией. Сценарии писали режиссеры, отвлекаясь от основной своей работы и привлекая литераторов главным образом для «ремесленных услуг». В тот период вредителям удалось преступную практику по отношению к сценарию Горького сделать повседневной и применить к кинопроизведениям большинства литераторов.

Вредители, орудовавшие в кино, разоблачены и разгромлены. Последствия их «деятельности» ликвидированы.

В постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 28 марта 1938 года «Об улучшении организации производства кинокартин» мы находим пункты о привлечении писателей в кино, о работе с молодежью, об освобождении режиссеров для их основной постановочной работы от сценарных дел, о запрещении изменений сценариев в процессе постановки.

В этом постановлении мы видим законодательное закрепление дела, начатого Горьким, дела объединения писателей в кино. Даже в этих двух эпизодах, рассказанных нами и далеко не исчерпывающих работу Горького в кино, видна огромная прозорливость и настойчивость великого русского писателя, гениального деятеля социалистического искусства. Именно эта гениальность, настойчивость, убежденность, преданность делу рабочего класса вызвали лютую ненависть к Горькому фашистских наймитов, которые травлили его, писали ему злобные письма руками «механических граждан», трусливо замалчивали его глубокие и правдивые слова.

Но правду не скроешь и не зароешь в землю, — это показывал нам не раз Горький в своих произведениях. Не смогли скрыть и зарыть в землю великую правду Горького фашистские агенты. Не удалось это, в частности, им и в кино. Дело Горького — это дело пролетариата, дело счастья всего человечества. Оно живет и будет жить.

Н. ОТТЕН.